

М. В. Першина

**«Житие Герасима Вошикова». К вопросу об особенностях
старообрядческой агиографии**

Византийские и древнерусские жития святых составили значительную часть в репертуаре чтения старообрядцев. Уже на раннем этапе истории старообрядчества на Русском Севере в Выголексенском общежительстве развернулась работа по копированию древнерусских агиографических сочинений и составлению Четых Миней¹, а также была предпринята попытка создания пантеона собственных местночтимых святых². В их число были включены первые старообрядцы-мученики, местные подвижники, основатели пустыней и скитов. Народное почитание старообрядческих святых в некоторых случаях сопровождалось созданием литературных сочинений – надгробных и похвальных слов, плачей, стихов, агиографических текстов.

Старообрядческие агиографические сочинения уже неоднократно привлекали внимание исследователей творчества ранних защитников старого обряда и писателей выговской литературной школы³. Важное место в изучении старообрядческой агиографии занимают работы О. Д. Журавель, посвященные анализу топки современных житийных сочинений урало-сибирских староверов-часовенных. На примере текстов, включенных в Урало-Сибирский патерик, исследовательница проследила, в какой мере ориентация на литературный канон и традиционные особенности средневекового агиографического жанра являлись определяющими для структуры новейшей старообрядческой житийной литературы⁴. Продолжая работу в этом направ-

¹ Юхименко Е. М. Четии Миней братьев Денисовых: новые находки // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. С. 302–308.

² Маркелов Г. В., Панченко Ф. В. О литургическом творчестве выговцев // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 220.

³ См., например: Демкова Н. С. Житие протопopa Аввакума (творческая история произведения). Л., 1974.; Брецинский Д. Н. Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции (тексты) // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 67–107; Гурьянова Н. С. История и человек в старообрядческих сочинениях XVIII века. Новосибирск, 1996; Юхименко Е. М. История Выговской старообрядческой пустыни: Духовная жизнь и литература. Т. 1. М., 2002; Волкова Т. Ф. Древнерусская и старообрядческая агиография в печорской рукописной традиции // Русская агиография. СПб., 2005. С. 236–271.

⁴ Журавель О. Д. Повествования агиографического типа в поздней старообрядческой традиции (на материале Урало-Сибирского патерика) // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 204–228; Она же. К изучению старообрядческой агиографии: ситуация преставления // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3; Она же. О некоторых принципах работы старообрядческого агиографа в XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. 2011. С. 78–81.

Першина Мария Валерьевна, канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН. E-mail: masha@perchine.com

© М. В. Першина, 2012

лении, сосредоточим внимание на памятнике, созданном в начале XX в. на Русском Севере, «Житии Герасима Вощикова»¹.

Это сочинение было написано северодвинским старообрядцем-филипповцем Симеоном Гавриловым и явилось итогом его многолетней работы по сбору сведений об истоках старой веры на Русском Севере. В 70 – 90-е годы XIX в. Симеон Гаврилов путешествовал по Северной Двине и Пинеге, побывал в Архангельске, Каргополье, Соловецком монастыре, записывая со слов очевидцев рассказы об основании старообрядческих пустыней и гонениях за веру, предания о прежних духовных отцах, сведения об особенностях вероучения в местных общинах. Его записи составили четыре «Родословия» (1879, 1887, 1894 и 1896 г.)² – это был великолепный «документальный» материал по истории старообрядчества Русского Севера, который впоследствии, как сообщил Симеон Гаврилов, предполагалось обработать и подать читателю соответствующим образом³. В XVIII в. подобная подготовительная работа предшествовала созданию «Истории Выговской пустыни»: ее автор Иван Филиппов тоже начал свой труд со сбора преданий и рассказов очевидцев о первопоселенцах Выга и начальном этапе организации общежительства, позднее эти первоначальные сообщения подверглись отбору, литературному редактированию и были превращены в нарратив⁴.

Симеон Гаврилов собирался вести дальнейшую работу с материалом, зафиксированном в «Родословиях», в таком же ключе. Об этом становится известно из его письма, адресованного известному коллекционеру и исследователю старообрядческой культуры В. Г. Дружинину, с которым на протяжении 1908–1913 гг. он состоял в постоянной переписке⁵. В письме В. Г. Дружинину от 12 февраля 1910 г. Симеон Гаврилов сообщил: «А что Вы желаете, чтобы я еще бы что в прибавку пописал... есть у меня великое желание, еже бы перечислить всех святых, сколько именно на число в нашем христианском безпоповском обществе именно святых нетленных мощей и сколько происходило чудес»⁶. Симеон Гаврилов не случайно заявил о своем желании посвятить новое сочинение местным святым и связанным с ни-

¹ Библиотека Российской академии наук (БАН), собр. Дружинина, № 816. 1, начало XX в., скоропись и полуустав, 71 л.

² БАН, собр. Дружинина, № 509, № 510.

³ Об этом см.: Першина М. В. «Родословия» северодвинских старообрядцев // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 87–106; Она же. Братский двор и северодвинские старообрядцы // Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009. С. 116–138.

⁴ Подробнее об этом см.: Гурьянова Н. С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в... С. 116–154.

⁵ Подробно об этом см.: Берестецкая Т. В. В. Г. Дружинин, Ф. А. Каликин, С. Гаврилов – коллекционеры старообрядческих памятников // Старообрядчество в России (XVIII–XX века). М., 1999. С. 439–450.

⁶ БАН, собр. Дружинина, № 1023, л. 12.

ми чудесам. Святой, занимая промежуточное положение между миром людей и потусторонним миром и выступая одновременно представителем того и другого, воспринимался как посредник между человеком и Богом, к нему обращались за молитвенной помощью и заступничеством¹. Кроме того, дар чудотворения считался одним из главных доказательств присутствия божественной благодати, поэтому сведения о происходивших «чудесных событиях» для народного крестьянского сознания являлись важным доказательством истинности веры. Подобная работа по письменной фиксации чудес проводилась и в некоторых других старообрядческих общинах².

Центральной фигурой нового повествования Симеон Гаврилов сделал авторитетного духовного учителя инока Герасима (в миру – Григория Ананьича Вошикова). Об этом иноке, проживавшем в Черевковском Завальском скиту в первой трети XIX в., ему удалось собрать максимальное количество сведений от информаторов в ходе написания «Родословий». Поскольку все материалы были уже подготовлены, работа над текстом сочинения велась быстро и была закончена уже к осени 1910 г. В Письме В. Г. Дружинину от 16 сентября 1910 г. старообрядец констатировал: «А Житие отца Герасима Вошикова я написал»³.

В этом же письме отчетливо прослеживается мысль о том, что посылая свое сочинение коллекционеру, Симеон Гаврилов надеялся на возможность его издания: «Вот бы ето-то Житие отца инока Герасима Вошикова Вы перепечатали, то бы Вы до зела велику, величайшу пользу нашему христианскому обществу соделали и дозела велико и величайшее подкрепление в христианстей нашей вере соделали бы, потому что оный отец Герасим Вошиков был в нашем христианском согласии и спасся, и Богу угодил, и в нетлении находится и чюдеса быша непреложныя»⁴. Перспективность обращения к техническим средствам для тиражирования текстов по достоинству была оценена старообрядцами уже в начале XX в. Рукописное Житие было отослано Дружинину в декабре 1910 г. (в настоящее время оно хранится в рукописном отделе БАН в составе собрания Дружинина⁵), но надежды Симеона Гаврилова на публикацию текста в кратчайший срок не оправдались. «Житие Герасима Вошикова» было напечатано только в 2010 г., спустя 100 лет с момента его написания, в старообрядческом издательстве «Третий Рим»⁶.

¹ Мороз А. Б. Святые Русского Севера: Народная агиография. М., 2009. С. 42.

² См., например: Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002.

³ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 149. Л. 4 об.

⁴ Там же. Л. 4 об.

⁵ БАН, собрание Дружинина, № 816. 1°, начало XX в., скоропись и полуустав, 71 л.

⁶ *Житие Герасима Вошикова: из истории филипповского согласия*. Сочинение старца Симеона Гаврилова / публикация, предисловие и комментарии В. И. Щипина. М., 2010.

Житие инока Герасима в соответствии с канонами агиографического жанра состоит из предисловия и собственно агиографической части из 12 глав, повествующей об отечестве подвижника, его деяниях, добродетелях, аскетических подвигах, прижизненных и посмертных чудесах. В обширном полемическом предисловии Симеон Гаврилов сформулировал цель своей работы: прославление местного подвижника должно было способствовать утверждению старообрядцев в вере. Кроме того, с его точки зрения, доказательство святости инока Герасима являлось существенным аргументом в пользу «истинности» веры перед представителями «внешнего» мира, к которым он отнес приверженцев синодальной церкви и старообрядцев других согласий: «А написана книга сия против трех сих неправомудренных толков или вер, а именно: против никониян, против странников и против неправого согласия Михайлы Синцова и Михайлы Крупкина»¹. «Никонианские» миссионеры часто в пылу полемики указывали на то, что у старообрядцев было мало сакральных предметов, в том числе святых мощей; староверы-странники, провозгласившие побег из мира главным условием спасения души, отрицали возможность спасения в миру; а под «неправым согласием Михайлы Синцова и Михайлы Крупкина» Симеон Гаврилов подразумевал раскол внутри общин старообрядцев филипповского согласия.

Мощный полемический импульс пронизывает весь памятник и придает ярко выраженную специфику всему сочинению. Наиболее отчетливо это проявилось в предисловии. Каждый отдельный эпизод Жития также представляет собой определенную ступень в системе доказательств святости подвижника и заканчивается, как правило, подобной формулой: «А по этому доводу без сумнения подобает, братие, признавати святым сего отца инока Герасима Вошикова»².

Основным принципом повествования автора Жития является опора на сообщения очевидцев. В случае недостатка информации содержание главы не восполняется элементами книжного житийного канона. Так, например, не обнаружив достоверных сведений о родителях инока Герасима и его воспитании, Симеон Гаврилов не стал заимствовать типичные фрагменты из преподобнических житий, где повествуется о благочестивости родителей, а предпочел вообще не поднимать этот вопрос.

Уважительное отношение к источнику и установка на достоверность обусловили и главную композиционную особенность Жития – в тексте точно воспроизведены сообщения информаторов с указанием, с чьих слов записан рассказ («Сие повествование написано из Топецкой родословной, написан-

¹ *Житие Герасима Вошикова...* С. 23–24.

² Там же. С. 150.

ной бывшей в 7387-м году»¹, «Из Черевковской родословной, писанной в 7387 году, июня в половине месяца»²). При этом автор посчитал необходимым указать, сколько человек могут подтвердить достоверность того или иного изложенного рассказа, например: «В достоуверение сего показания в Черевковской родословной подписались местных жителей-христиан 26 человек»³. Стремясь к документальности изложения, автор Жития поместил в тексте все собранные им свидетельства очевидцев, дополнив их своими собственными комментариями. Такой принцип составления текста предполагал возможность наличия повторов, но именно эти повторы, с точки зрения автора, были главным достоинством его сочинения и позволяли максимально достоверно и полно представить облик святого.

Продемонстрируем это на конкретном примере. В начале первой главы Жития, повествующей о юношеских годах инока, помещен скупой на подробности рассказ внучатого племянника инока Герасима Ивана Петровича: «По мирскому звали его Григорий Ананьич, а по иноческому Герасим. И сей Григорей Вощиков ушел из салдатской службы. Тогда он первоначально проживание имел в лесу... Келия его была от деревни Вощичихи 50 верст»⁴. Следом помещен более подробный рассказ об этих же событиях, поведанный другим информатором: «С молодых лет поступил он в военную службу, но был он тогда еще не христианином. Но аще он был тогда и не христианином, но и до святого крещения, а христианская дела вся исполняше. Он служил на корабле, но командующий этого корабля человек был добрый, во всем богоугодном деле делал ему послабление. И наконец приказал его вывести на берег, а той обещаешь работати Богови»⁵. Помещая рассказ близкого родственника инока Герасима, автор стремился представить героя реально живущим человеком. Следующее же сообщение позволило ему акцентировать внимание читателя на праведной жизни инока еще до его присоединения к старообрядчеству, что было характерным мотивом преподобнических житий. Умело подбирая свидетельства очевидцев и выбирая из них соответствующие фрагменты, Симеон Гаврилов максимально полно включал в сочинение всю собранную им информацию и формировал облик инока Герасима в соответствии с агиографическими канонами.

Подробно разработана в Житии тема аскетических подвигов. Автор представил инока как пустынножителя-аскета, отметив, что он «всегда живяше один в келии своей в пустыни в особнем уединенном месте», «в трудах и

¹ *Житие* Герасима Вощикова... С. 111.

² Там же. С. 150.

³ Там же. С. 111.

⁴ Там же. С. 110.

⁵ Там же.

молитве к Богу усердно», «жил весьма воздержно в подвалах пустынных, в посте и во усердии к Богу молитвах, стряпал хлеб, во ржаную муку прибавлял гнилыя колоды и такой хлеб ел»¹. Отразились в Житии и некоторые элементы сюжетной схемы житий, посвященных игуменам монастырей. Среди них – мотив отеческой любви игумена к братии и забота о душах духовных детей. Автор отметил, что инок Герасим «учил зело строго», что не всем было по душе и даже приводило к недовольству паствы. В качестве показательного примера в главе описан следующий случай: «За строгое его распоряжение с детми духовными нещии приходили к нему и гнали его вон ис келии и грозили зажещи келию его. Он же, небоязненный подвижник, речет злодеям: “Нейду из келии, аще и сожжете ю, то со мной купно и келию сожигайте”»². Твердость и бескомпромиссность настоятеля, готовность принять смерть, но не отступить от истины роднили его с христианскими мучениками. Все это должно было свидетельствовать о праведной земной жизни подвижника.

Еще более явно указывали на святость инока Герасима в Житии такие виды посмертных чудес как мотив нетленных мощей и случаи чудесных исцелений на его могиле. В соответствии с официальным агиографическим каноном нетленность мощей является одним из возможных, но далеко не единственным и не обязательным проявлением святости. Однако в народном культе святых именно этот признак занял одно из первостепенных мест – настолько велика была потребность в чуде. По наблюдениям А. Б. Мороза, культы многих древнерусских святых начинались «снизу» и были связаны не столько с праведной земной жизнью подвижника, сколько в связи с обнаружением их мощей³, именно так начиналась традиция почитания Артемия Вертолского, Симеона Верхотурского и др. Е. К. Ромодановская даже выделила определенный тип агиографического повествования – «святой из гробницы», отметив популярность этого сюжета на Русском Севере и в Сибири⁴.

Как сообщает Симеон Гаврилов в Житии, традиция почитания инока Герасима северодвинскими старообрядцами также началась с обнаружения его нетленных мощей, и лишь потом было замечено, что могила инока, захороненного вместе с другим местным старообрядческим подвижником иноком Макарием ярославским, обладала чудодейственной силой и стала местом паломничества для местных староверов: «Неким людем бываху значител-

¹ *Житие* Герасима Вошикова... С. 147.

² Там же. С. 160–161.

³ Мороз А. Б. Святые Русского Севера: Народная агиография... С. 36–37.

⁴ Ромодановская Е. К. «Святой из гробницы». О некоторых особенностях сибирской и севернорусской агиографии // Русская агиография. СПб, 2005. С. 143–153.

няя помощи и исцеления от болезней и в прочих приключившихся напастях, кои с верою пропеваху панихиды над сими преставшимися иноками»¹.

С мотивом нетленных мощей в житийной традиции тесно связаны эпизоды, описывающие попытки злоумышленников похитить святые останки. Этот сюжет присутствует и в Житии инока Герасима. В 1857 г. приходской священник со становым приставом и понятыми прибыли в Завальские скиты, на тот момент уже пустующие, для «возграбления» могил. Об этом рассказывалось следующим образом: «Прилучися приехати им на Завал не рано, под вечер, толко успели ограду ломать, кою ограждены были погребенныя отцы, и кресты сломали. И уже было тогда время вечера, сего ради отложиша возграбление до утра. А на заутри вознамеришася узнать достоверно, точно ли это нетленные тела, яко же от многих слышали... Внезапу поп Антоний возбуде от сна и во страсе и трепете нача поведати с ужасом глаголы: “Пришли ко мне два старца с палками и всю мою голову расколотили и так чувствую, что сейчас голова моя болит. Бранят нас, зачем мы ... приехали сюда”. С такого испугу поп Антоний и становой пристав Назарьев с понятыми поутру рано уехали во своя дома, не дерзнули к телу разрывать и доглялеть тех достопамятных иноков Герасима и Макария»².

Следом за этим рассказом Симеон Гаврилов поместил еще одно сообщение об этом же эпизоде, записанное со слов Алексея Семеновича Воронова, в котором уточнил, что ночевавший на месте Завальского скита поп трижды просыпался ночью, от того, якобы, что старцы колотили его по лбу костыльками. Завершается эпизод сообщением о еще более суровом наказании никонианского священника: «И етот поп после такового испугу вредился умом... И живучи в доме своем стал ночами кидаться со сна, и после того скоро и помер»³. Способность старцев предотвратить освидетельствование их могил и не допустить прикосновения «неверных» к святым мощам, как и сам факт чудесного видения и наказания попа, для народного крестьянского сознания были важными свидетельствами святости местных духовных отцов.

Исследователь древнерусской агиографической литературы Георгий Федотов писал, что в каноническом древнерусском житии на первый план встает типичное – святой описывается в соответствии с определенным шаблоном, характерным для того или иного вида святости, а личное, индивидуальное за этим штампом проявляется лишь в тонких чертах, оттенках, нюансах. В старообрядческой агиографии акценты смещаются. На примере анализа Жития Герасима Вошикова мы показали, что агиографический канон, на который,

¹ Ромодановская Е. К. «Святой из гробницы». О некоторых особенностях сибирской и севернорусской агиографии // Русская агиография. С. 163–164.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 157.

безусловно, ориентировался составитель Жития, не превратился в его повествовании в шаблон. Старообрядческий автор стремился максимально подробно и достоверно представить земную жизнь подвижника, воссоздавая реальные жизненные ситуации, бытовые подробности, психологические детали, воспроизводя живую разговорную речь. Это делало святого близким и понятным каждому, «одним из своих». Другой важной особенностью Жития Герасима Вощикова стала его ярко выраженная полемическая направленность. Прославляя местного святого и повествуя о чудесах, старообрядческий агиограф стремился предоставить важный аргумент своим единоверцам для утверждения в истинности веры.